А. Демински
Последние месяцы
нашей любви
16+

Айван Демински

Последние месяцы нашей любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67371203
SelfPub; 2023

Аннотация

Этот недлинный рассказ – печальная и пронизывающая история о любви и смерти.Два героя рассказа, невероятно творческие люди, знакомятся в интернете и понимают, что невероятно похожи друг на друга. Но, к сожалению, им не суждено быть вместе.

Айван Демински
Последние месяцы нашей любви

– Привет.

– Привет.

Мы познакомились в социальной сети. Это произошло абсолютно случайно и неожиданно для меня, ведь я никогда не рассматривал вариант знакомства через Интернет. Меня нельзя было встретить в Тиндере или на другом похожем сайте, не входил я и в число подписчиков различных пабликов для знакомств. Тогда я считал себя несколько выше этого. Я иначе представлял себе встречу с «той самой». Это должно было произойти примерно так:

Картинная галерея. Девушка, стоящая напротив картины Дали. Я вижу в этой девушке нечто необыкновенное, я чувствую её внутреннее обаяние. Меня влечёт к ней, но это отнюдь не плотское влечение. Я подхожу к ней и встаю рядом, завожу руки за спину.

– Какая глубокая и пронизывающая работа… – замечает она.

– Да, Дали невероятен, – отвечаю я.

Затем мы смотрим друг другу в глаза и всё для себя понимаем.

Я часто прокручивал эту сцену у себя в голове. Иногда мы менялись ролями, и тогда я первый начинал разговор, но сама фраза никогда не менялась. Она стала для меня чем-то вроде пароля.

Но эпизоду с Дали суждено было навеки остаться в мечтах, ведь с ней меня свёл другой испанский гений.

Однажды я наткнулся на комментарий под изображением одной из самых известных работ великого Пикассо, оставленный человеком настолько далёким от искусства, что он наверняка не смог бы отличить Айвазовского от Ван Гога. Этот индивид утверждал, что его ребёнок нарисовал бы лучше. Я был по-настоящему взбешён подобным отношением и уже собирался грубо ответить, что не следует так высказывать о том, в чём ты абсолютно не смыслишь. Но она опередила меня. Это было почти той самой фразой про Дали, тем заветным паролем, но в тысячи раз оригинальнее. Диванный критик ещё попытался ей возразить, но быстро сдулся.

Я был поражен и в то же время воодушевлён. Она представилась мне идеалом, превосходящим все мои ожидания. Я влюбился.

– Привет.

Томительное ожидание. Пробирающий до костей ужас при мысли о том, что она не ответит, и сжигающий стыд. Но потом:

– Привет.

Так мы и познакомились. Она оказалась одним из тех лю-

дей, которых я называл «по-настоящему творческими». Она была художником до глубины души, человеком, рождённым творить. Она могла часами обсуждать и живопись, и музыку, и литературу, причём у неё совершенно не было жанровых предпочтений. Искусство было для неё чем-то целым и неделимым.

Первое наше свидание прошло в «Литературном кафе». Тогда я впервые увидел её вживую. Она поразила меня с первого взгляда. В ней я увидел Человека. Художника. Личность. Всё это я сразу почувствовал в ней. Раньше я таких людей не встречал. Я не берусь описывать её внешность, это будет выглядеть сухо и банально. Слова не способны в полной мере передать истинные чувства. Скажу лишь, что у неё был невероятный вкус и чувство стиля. И ещё её короткие цвета морской волны волосы.

Тогда я захотел её сфотографировать. Запечатлеть. Я не был ни мастером кисти, ни мастером пера, но объектив меня слушался. Кто-то скажет, что фотография не искусство, и глубоко ошибётся.

Мы разговорились, и я кое-что узнал о ней. Он училась на факультете истории искусств, но бросила, и теперь зарабатывает на жизнь своим творчеством. Тогда я не понял, почему она так поступила, и спросил у неё об этом, но она уклонилась от ответа. Она попыталась отшутиться, но это получилось как-то нелепо и нерешительно, и я увидел, как она побледнела, а взгляд её помрачнел. Я переменил тему, и мы

очень приятно пообщались. Затем я проводил её до её квартиры.

– Заходи, – предложила она.

Она жила в небольшой квартире на самом верхнем этаже многоэтажного дома. Из окна было видно весь город. Само её жилище выглядело именно так, как должен выглядеть дом художника. Стены были обвешаны репродукциями картин известных и не очень художников, шкафы были заставлены книгами. Меня особенно привлекла одна полка. На ней в ряд стояли десятки музыкальных пластинок.

– Я собираю их, – вдруг сказала она, – слушаю музыку только в таком виде. Это вроде бы совсем глупость, но я по-другому не могу…

– Нет, это совсем не глупость… Это необычно и невероятно интересно, – ответил я, запинаясь и стирая пыль с одного особенно старого экземпляра, – можно послушать?

– Да, пожалуй, – встрепенулась она и подошла к антикварному виниловому проигрывателю, стоящему на тумбе. Движение руки, и игла, как долото скульптора, начинает создавать прекрасные образы, скрытые в безжизненном доселе материале.

За окном ночь, а мы сидим и под Рахманинова при свете настольной лампы, развалившись на диване, пьём горячей кофе. Хорошо…

***

В тот день я решил сделать сюрприз. Купил букет подсолнухов, она их любила, и направился к ней. Постучав и не получив ответа, я открыл дверь и вошёл. Квартира была наполнена музыкой и запахом масляных красок. Я прошёл в комнату и застыл в удивлении. Она сидела за мольбертом, установленным у окна, и *творила*. Я говорю «творила», потому что не могу назвать это каким-либо другим словом. Я видел, как под её кистью рождались прекрасные затейливые образы, объединяющиеся в единый шедевр. Но я поразился не этому.

Она была абсолютно голой. Но не думаю, что это слово подходил, скорее, обнажённой. В этом не было ни капли пошлости. Она была прекрасна и чиста, её идеальное, забрызганное краской, тело сразило меня, и я стоял, в нерешительности любуясь ею.

И вдруг она закашлялась. Это был тяжёлый надрывистый кашель. Она сотрясалась под его непрерывными ударами и сжималась, как беззащитный ребёнок. Потом она упала на мольберт, и краска размазалась по холсту и по её телу. Я подбежал к ней и схватил за плечи. Она, тяжело дыша, опираясь на меня, залезла на диван.

– Что это было? – воскликнул я, прикрывая её наготу, висевшим рядом халатом.

– Ты… не предупреждал о… своём приходе…

– Что это было?! – закричал я.

– Так… ничего особенного. Болезнь… какая-то. Врачи

сказали… ничего особенного.

– Ты уверена?

– Да, абсолютно. Это пройдет, – сказала она, приходя в себя.

– Ты всё-таки скажи мне, если это что-то серьёзное.

– Да, конечно, но ты не бойся, всё в порядке.

Она поднялась и уселась ровно, оперившись на спинку. Я невольно залюбовался ею: её светло-бирюзовые волосы падали на обнажённые плечи, а из под приспустившегося халата выглядывал нежно-розовый сосок.

– Ты узнал мой маленький секрет, – улыбнулась она, – я всегда работаю так. Одежда заглушает зов души, мешает ей вырваться наружу, вылиться на холст. Да, я несколько странная. Я вообще не люблю одежду. Без неё чувствую себя свободнее, ближе к окружающему миру, чувствую некое единение со вселенной. Словно я астероид , движущийся по бескрайним просторам космоса. Мне не нужна одежда, когда я одна. Не смущайся ты так. Ты единственный человек, которому я открыла свои мысли. Раньше я передавала их людям только через свои картины…

– Я хочу тебя сфотографировать, – вдруг произнёс я то, что уже давно не давало мне покоя.

– Сфотографировать? Ещё никто ни разу не отел меня сфотографировать… Ну, разве что только родители в детстве…

– Это очень странно, – улыбнулся я, прочёсывая её легкие,

как свежий снег, волосы, – ты невероятно красива.

– Конечно, я согласна. Постой, я только схожу в душ: я вся в краске.

– Нет, не стоит, – удержал я её, – так будет даже лучше, более художественно. Ну-ка, сядь вот так, нет, постой, повернись в эту сторону, – начал распоряжаться я, доставая фотоаппарат.

Я входил в транс. Передо мной находилось самой прекрасное существо в мире, и она позировало мне. Я создавал нечто гениальное, и мне казалось, что аппарат в моих руках превращается в кисть, создавшую все шедевры живописи, кисть, которую держали такие гении как Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонарроти, Рафаэль Санти. Я касался кнопки спуска с таким же благоговением, с каким они создавали образ Мадонны. А она лежала совсем нагая, измазанная краской, свесив голову с дивана и закинув ноги на его спинку, а над диваном такая подходящая репродукция «Больших купальщиц» Поля Сезанна. И я понял, что это мой *magnum opus*, моя «Мона Лиза», цель, ради которой стоило жить все эти годы. Она стала моей музой, посланницей небес, неповторимой и прекрасной хранительницей вдохновения. Эмоции переполняли меня, и я, щёлкая затвором, творил, творил, творил…

Наконец, я опустил аппарат и подошёл к ней. Она встала, коснулась меня и расстегнула мою рубашку, а затем прижалось своей небольшой упругой грудью к моей. Мы слились в

единое целое, в едином порыве пускаясь в бесконечный танец любви. Я целовал её соски и подтянутый живот, а она обнимала меня своими нежными руками художника. Я входил в неё и чувствовал, как её энергия пробирается в меня. Мы стали целым и неделимым, как инь и янь. Наш секс не был чем-то пошлым и грязным, он был прекрасен и возвышен. Два человека, которые делятся своими телами друг с другом, что может быть восхитительнее!

А потом мы лежали на полу с закрытыми глазами, держась за руки, а пластинка продолжала вертеться и петь, и вертеться, и петь… И нам было так хорошо и свободно, как никогда раньше. И я до сих пор, когда вспоминаю это чувство нежной любви и безмятежности, замираю в благоговении.

– Поднимемся на крышу, – вдруг предложила она.

И мы, не одеваясь, вышли на лестничную клетку. Бетон холодил ступни, но мне было всё равно, ведь сейчас мы чувствовали себя подростками, сбежавшими с уроков и целующимися за школой. Наконец, мы оказались на крыше. Холодный утренний ветер обдал моё тело, и я поёжился. А она, раскинув руки и подняв голову к небу, вздыхала эту прохладу. Это маленькое мгновение свободы, миг, когда ты чувствуешь, что можешь сделать всё, что захочешь, миг, когда ты по-настоящему живёшь, он так редок. Но тогда мы оба чувствовали эту свободу. С какой нежностью я теперь вспоминаю эти мгновенья!

Она уселась на самый край и свесила ноги. Город просы-

пался. Вдали слышалось гудение машин, загорались огни. Алые полосы рассвета слабо прорезали серый утренний туман. Её светлое обнажённое тело ярко выделялось на фоне городской серости. Она закурила. Медленно пропуская эту серость через лёгкие, она похрипывала.

– Мне кажется, ты много куришь, – заметил я, – твой кашель наверняка связан с этим.

– Не мешай мне наслаждаться жизнью, – ответила она, выпуская в набирающий цвета воздух облако дыма, – мне не так много осталось.

– О чём ты? – насторожился я.

– Знаешь, – начала она из далека, – ты первый человека, которого я полюбила. По-настоящему полюбила. У меня были мужчины и до тебя, но это был только секс и не более того. Отношения на одну ночь, способ расслабиться и зарядиться. Они все были так жалки и приземлены. Ты первый, в ком я почувствовала Человека, – я невольно понял, что она говорит обо мне то, что я сам думал о ней, – такого человека, как я. Мы с тобой очень похожи, это мне и нравится в тебе. Ты необычный. Ты достоин счастья. Но без меня.

Я вздрогнул.

– Ты подарил моей жизни краски. Наполнил её смыслом. Но… мне недолго осталось жить. Не больше года. У меня… рак лёгких. Неоперабельный.

– Почему ты сразу мне этого не сказала? – воскликнул я, – Ты дала мне полюбить себя, зная, что скоро уйдёшь!

– Разве это хоть что-нибудь изменило бы?

Она была права. Ничего. Я обнял её, прижал к себе и спросил:

– Неужели совсем ничего нельзя сделать? Найти хорошего врача, пройти химиотерапию?

– Химиотерапия не спасёт меня. Она сможёт дать мне ещё год жизни, которую и жизнью-то назвать нельзя. Я буду лежать на больничной койке и страдать от беспрерывной тошноты, моля смерть поскорее забрать меня, а ты будешь выносить за мной утку, и каждый раз, подходя ко мне, ты будешь отворачиваться от меня, не находя в себе сил взглянуть на то, во что я превращусь. Последнее своё время на земле я хочу прожить полной жизнью. Ты должен меня понять.

Я её понимал. Будь я на её месте, я поступил бы также. Но мне было тяжело её отпускать.

– Но пока я всё еще с тобой, – продолжала она, будто бы читая мои мысли, – и я хочу, чтобы и ты был со мной всё это время. Я хочу, чтобы ты в последний раз поцеловал меня, когда я буду покидать это мир, где-нибудь в маленьком уютном домике у подножья Альп.

И она заплакала, прижавшись головой к моей груди. А я гладил её прекрасный волосы и тоже плакал.

***

Я приехал в Шамони на неделю позже неё. Она невероят-

но изменилась с нашей последней встречи. Отражение смерти в её глазах исчезло. Сейчас она была живой как никогда, такой свежей и воодушевлённой, словно бы ещё вся жизнь была у неё впереди, а не один месяц.

– Как я счастлива, что ты, наконец, приехал, – радостно воскликнула она, – здесь так красиво, так замечательно, что я даже рада, что умру именно здесь, а не в этом сером бездушном городе.

Я осмотрелся по сторонам. Вокруг было и правда очень красиво. На секунду мне захотелось остановить время, и остаться с ней здесь навсегда, чтобы мы остались единственными людьми во всём мире. Но старый Монблан будто бы покачал своей седой заснеженной головой, намекая, что это невозможно.

Снятый домик находился у самого подножия горы. Рядом с ней, огромной и неприступной, люди казались маленькими суетящимися муравьишками. Нам почему-то было весело от того, что мы понимали эту свою человеческую мелочность.

– Вот сейчас я умру, потом через много лет умрёшь и ты, – улыбнулась она, глядя мне в глаза, – а гора останется стоять здесь, и будет стоять всегда. Она родилась на заре времен, а умрет на закате. Люди приходят, любуются на неё, топчется по ней своими маленькими ножками, но они ничего не значат для неё. Люди есть пыль для этого каменного титана, он не запоминает их. Но нашу любовь он запомнит. Пронесёт через конец времён и похоронит в небытии. Я хочу, чтобы

ты развеял мой прах с самой вершины, чтобы я нашла упокоение среди снежинок в его шапке.

Она вздохнула. Долго и многозначительно.

А потом прикоснулась своими губами к моим. Это был самый лучший поцелуй в моей жизни. Самый тёплый и искренний. И мы, сбросив одежду, опустились на землю, снова отдавая друг другу свои тела в порыве нежности. Нас было трое: она, я и Монблан. Нас совсем не смущало то, что он сморит на нас своим бездушным взглядом. Пусть он, древний, миллионы лет назад очерствевший старик, видит, как люди умеют любить, и пусть его сухое, скрытое за толщей камня, сердце восстанет от спячки.

И я вспомнил тот заветный день, когда мы впервые познали друг друга, я вспомнил, пластинку, Рахманинова, тусклый свет лампы, Пикассо, диван, Поля Сезанна, фотоаппарат, холодный бетон под ногами, утренний ветер, рассвет и наш первый секс. Но я вспомнил и надрывистый убивающий кашель, и ужасную новость. И я обнял её ещё крепче, не желая отпускать, и заплакал. И услышал, что она тоже плачет. Так мы лежали в обнимку и плакали, совсем как маленькие дети. А старый Монблан глядел на нас в недоумении, ведь он не знал, что такое чувства.

– Ты удивительный человек, – произнесла она, вытирая слёзы, – ты достоин любви. Ты молод и умён, и я уверена, ты ещё встретишь свою судьбу. Отпусти меня, так надо. Прошлое должно оставаться в прошлом, а жить нужно настоя-

щим. Живи счастливо и, прошу тебя, не думай обо мне, – голос её дрожал, – И вот ещё: мои картины. Продай их и вырученные деньги пожертвуй в фонд помощи онкобольным. Я прожила короткую, хоть и насыщенную, жизнь, и я хочу, чтобы у других она было дольше. Вот и всё. Я сделала всё, что хотела, и поэтому могу умереть спокойно.

Я хотел что-то ответить ей, как-то поддержать, но комок в горле не дал мне сделать этого. И мы продолжали лежать и молчать, сживая друг друга в объятьях.

И вдруг снова раздался её душераздирающий, сотрясающий тело кашель.

***

Она умерла через два дня, мирно и спокойно. Её холодное посиневшее тело лежало на кровати, облачённое в белоснежную тунику. Она была также прекрасна, как и при жизни.

Потом появилась её мать, вечнонедовольная полная дама. Она бы, наверняка, предпочла остаться дома, а не тащиться через всю Европу во Францию. Она постоянно наезжала на меня за то, что я допустил всё это. Как будто я мог что-то изменить! Уверен, она не очень-то интересовалась жизнью дочери, даже о её болезни не знала.

Вскоре, собрались и всякие другие люди: родственники, знакомые… Все они очень эффектно рыдали, обнимая покойницу, актёрского мастерства им не занимать. Мне стала мерзко, и я вышел. Я стоял, глядя на горы, и курил. Подбе-

жавшая мать выкрикнула мне:

– Ты совсем её не любил!

И это она смеет говорить такое человеку, который был с её дочерью до конца! Я елё сдержал гнев, чтобы не наговорить гадостей. Она всё пыталась узнать, где жила всё это время её дочь, но я не сказал ни слова. Мне не хотелось, чтобы хотя бы одна вещь той, которую я любил больше жизни, попала в лапы этих жалких людей.

Я уехал из города, как только всё закончилось, прихватив с собой урну с прахом и картины, написанную ею в Шамони. Как же разозлится её ничтожная мать, когда обнаружит, что в урне, которую я оставил ей, насыпан обычный песок. Я должен был сделать так, чтобы потом исполнить данное обещание. Я не назвал ей ни своего имени, ни фамилии, и она не сможет меня найти. К тому же я крепко сжимал в руке подготовленное заранее завещание, в котором было чётко прописано, что все свои деньги покойница жертвует в различные фонды, а остальные вещи, в том числе и картины, завещает мне. На душе у меня посветлело, когда я осознал, как сильно она мне доверяла. Я обящательно вернусь в Шамони, когда буду готов подняться на вершину.

Но… я выполнил её просьбу до конца. Не продал картины, которые она оставила мне. Я открыл выставку, которая, кстати, стала довольно популярна. Каждая вырученная копейка идет в фонд помощи онкобольным. С одной стороны это даже разумнее, но с другой… Я ведь так и не смог отпу-

стить её. Каждый раз, когда я смотрю на прекрасные работы, написанные ею, я вспоминаю наши разговоры, её милый голос и волосы цвета морской волны…

Потом я иду в её жилище, где всё еще стоит на своих местах, запускаю пластинку и ложусь на пол, закрывая глаза. Тогда я снова вспоминаю тусклый свет лампы, Поля Сезанна, фотоаппарат, диван, холодный бетон под ногами и рассвет… И моё сердце наполняется болью.

Потом я начинаю (уже в который раз!) осматривать квартиру и вслух рассуждать, что куда можно отдать, что кому продать. Но все эти размышления всегда заканчиваются тогда, когда мой взгляд падает на коллекцию антикварных пластинок. Слёзы наполняют глаза, и я понимаю, что никогда и никому не смогу отдать её. Я слишком слаб.

Думаю, на этом стоит закончить рассказ о моей несчастной любви. Я написал его, чтобы излить все свои эмоции на бумагу. Это должно помочь отпустить прошлое. Я не раскрываю здесь ни её имени, ни своего. Я не вкладываю в мой рассказ никакой морали. Это просто история. История знакомства любви и смерти. Знакомства, которое началось с такого простого слова «привет»…